

И ТОГДА Я ПРОЗРЕЛА...

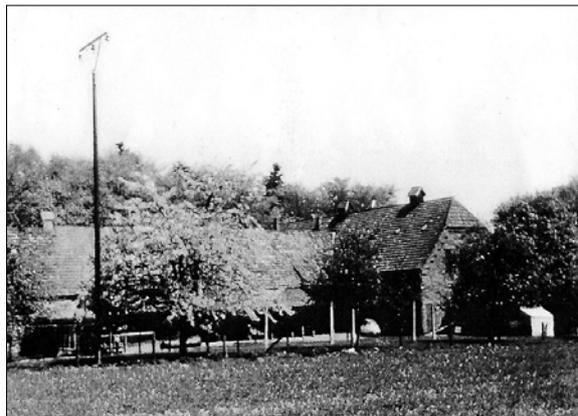
Эльфи Вальтер

Перед тем как вы приступите к чтению моих дневниковых записей о лагере Зандбостель, я хочу кое-что разъяснить.

Выросла я в консервативной семье. Мой отец был крестьянином, так же как его дед и прадед. Мать родом из большой заболоченной деревенской местности. Мы были простыми немцами, крепко стоящими на земле. Политика Гитлера хорошо вписывалась в образ нашего бытия. Он много делал для сельского хозяйства, остальное нас не интересовало. Мои родители никогда не были в партии и о политике разговаривали мало. Однако то, что Гитлер снова сделал Германию экономически крепкой, очень их радовало.

Я, как и мои подруги-старшеклассницы, конечно же, пошла в Юнгмедельн (*гитлеровский молодежный женский союз* – прим. переводчика). Чем мы еще могли заниматься? Других молодежных организаций не было. Меня даже сразу определили в будущие руководительницы, и в течение нескольких лет я доросла до старшей группы. Только в конце 1944 года мне все это вдруг надоело. Для проформы я попросила приписать меня к БДМ (*объединение немецких девушек* – прим. переводчика), и с тех пор больше там не была. До меня все доходило постепенно – и сегодня я должна сказать: сомнения появились далеко не сразу. В середине 1944 года, 20.07 я написала в моем дневнике: "Как ужасно и вместе с тем замечательно известие, прозвучавшее сейчас по радио. Покушение на нашего фюрера. Но он не пострадал, наш любимый Гитлер! Ужасно, если бы все закончилось по-другому. Это ведь Бог предопределил его для нас. И за это я хочу Его поблагодарить".

Когда я эту ерунду, написанную тогда шестнадцатилетней девочкой, после пребывания в Зандбостеле прочла снова, мне хотелось провалиться сквозь землю. Мне было так стыдно, что я готова была зачеркнуть эти строки... Однако я не сделала этого, чтобы всегда помнить о том, как легко можно манипулировать человеческим сознанием.

Elternhaus

Родительский дом

Зандбостель был для меня жестоким жизненным испытанием, и если сегодня есть то, что приводит меня в ярость, так это неонацисты, верхогляды и все, кто мыслит правозкстремистски, – Эрнст Нольте включительно. Многие годы страдала я оттого, что была тогда столь слепой и глупой. Из чувства стыда многие годы я не могла ни одному из евреев смотреть в глаза. Почему не интересовалась думающими иначе, почему ничего не знала? Мы не были знакомы ни с евреями, ни с противниками Гитлера. Их не было в кругу наших знакомых или среди соседей. Но может ли это послужить извинением? Конечно, имей я даже понятие о том, что на самом деле происходит, героических поступков я все равно бы не совершила. Из-за страха. Однако тогда я могла хотя бы сочувствовать. Но не случилось и этого. Когда в Зандбостеле у меня раскрылись глаза, я будто свалилась в глубокую яму. Прошло довольно много времени, прежде чем я смогла из нее выбраться.

Записи в Зандбостеле я делала карандашом на захваченной из дома бумаге. В 1945 году, на Пфингстен (*христианский праздник Троица* – прим. переводчика), я перепечатала их на старой машинке, поскольку карандашные записи со временем нельзя будет прочесть. Оригиналы

затерялись куда-то из-за множества переездов. Но когда я время от времени вынуждена была перепечатывать все заново, я ничего не меняла, не приписывала нового и ничего не выбрасывала. Это – подлинные заметки, которые я сделала в лагере Зандбостель.

28.04.45. Вечером.

Только что я получила приказ о призыве. Пришли английский и немецкий офицеры и принесли мне письмо. Завтра рано утром, в семь часов, с вещами на несколько дней я должна быть перед ратушей. Они хотят нас отослать. Мамочка предполагает, мы будем, наверно, назначены туда же, куда и иностранные работницы.

Я так не думаю. Мы еще слишком молоды.

После полудня с 29.4. по 10.5.45 (Пффингстен) – из разрозненных листов.

01.05.45

Записано вечером. У меня с собой писчая бумага, вообще-то для того, чтобы писать домой. Но я обязательно должна записать то, что здесь произошло. Иначе мне не поверят.

29.04.45

Я встала уже в 5 часов утра. Все должно быть готово. Вчера было слишком темно, и у нас не было света. Наконец, все было упаковано. Мы раздобыли рюкзак.

Потом мамочка и папочка прошли со мной до дороги. Они оба стояли там такие одинокие. Сейчас им тоже трудно без какой-либо помощи справляться с большим крестьянским хозяйством. Но зато работа, которая их ждет, будет отвлекать.

Я подумала: увижу ли их снова?

Потом я отправилась в путь – 3 километра до города.

Перед ратушей я встретила многих из моего и старшего классов. Все – девушки из нашей школы высшей ступени.

Инге и Розы были тоже здесь. Мы были рады, что, по крайней мере, можем быть вместе.

Нам сказали, что в одном лагере, недалеко от Гамбурга, нужно будет произвести уборку. Меня одолел ужас, я вспомнила о находящихся у нас дома фотографиях. Концлагерь! В последние дни я достаточно об этом наслышалась. Надеюсь, мы не должны попасть в лагерь, где много мертвых, думала я.

Поскольку грузовик придет только после полудня, мы можем снова идти домой. Итак, я снова прошла эту долгую дорогу – назад. Родители обрадовались, когда увидели меня.

Однако радость длилась недолго. После полудня я должна была снова вернуться в город. В 12.30 мы погрузились в семь грузовиков. Еще нам сказали, что нас будет обеспечивать Красный Крест. Потом двинулись в путь. Куда – мы не имели понятия.

В опустевших селениях мы видели только следы сражений. Везде обугленные дома, выгоревшие машины и танки.

Между Бассумом и Харпштедтом мы ехали мимо громадного палаточного лагеря. Похоже, там были русские и поляки. Они сжигали там все, что только горело.

Часть из них стояла вдоль дороги и грозила нам кулаками. Нам вслед выкрикивали бранные слова.

Мы были испуганы и надеялись, что машина быстро проскочит мимо. Но, к нашему ужасу, грузовики остановились, и под улюлюканье и крики иностранцев мы должны были высаживаться. Здесь я по-настоящему поняла, что такое страх перед насилием. Ком застрял у меня в горле.

Я думаю, мы все чувствовали одно и то же. У большинства были бледные, заплаканные лица. Так стояли мы, перепуганные, под проливным дождем с нашими рюкзаками на дороге и ждали. Чего? Разъяренной орды?.. Слава Богу, подошел английский санитар и повел нас к палаткам.

Мы узнали, что должны провести здесь только одну ночь.

Позднее мы сидели по десять человек в палатке и дрожали от страха и холода. Каждый раз, когда заглядывал английский солдат, мы кидались к нему, чтобы что-нибудь разузнать. Один сказал нам: русские там, снаружи, будут увезены еще сегодня. Так и случилось. Мы немного успокоились. Еще был горячий суп, и потом мы сидели всю ночь тесно прижавшись друг к другу.

30.04.45

В дальнейший путь выехали только в полдень. Мы должны были ждать грузовик. Продовольствия больше не было. Кстати, к нам примкнули еще другие школьницы из Зыке.

Путь шел через Тедингхаузен, около Ахима через Везер, потом по автобану все дальше на северо-восток.

Становилось все холоднее, дождь сильнее, и было темно.

Мы лежали в грузовике, как сдавленные вместе селедки. Некоторые начали было петь, но это скоро прекратилось, когда мы заметили, что проезжаем вблизи района боевых действий. Во всяком случае, был слышен гром орудий, и при этом каждый раз сверкало.

Около 24 часов мы были возле Гамбурга. Водитель сказал, что фронт находится на расстоянии около одного километра.

Мы остановились и провели ночь в Ненндорфе, где-то на обочине дороги. Похоже, они тоже не знали, куда дальше.

Трещало и гроыхало порядочно. Можно было четко слышать отдельные артиллерийские выстрелы.

На следующее утро поехали через Цевен назад, к Ротенбургу, и потом мы уже совсем не знали, куда приехали. В конце концов, в одном маленьком населенном пункте на крестьянском дворе нам разрешено было помыться. Потом мы ехали через необработанный участок земли.

Между тем мы превратились в целый конвой. Примкнули английские военные, и теперь мы должны были опасаться немецких самолетов. Они нас, конечно же, обстреляют.

Неожиданно мы увидели большой лагерь с военнопленными. Снова русские солдаты стояли за решетками и тарасились на нас. Это был Зандбостель, южнее Бремерферде.

Мы развернулись и поехали к другому углу лагеря.

Это были огромные бараки. Нам сказали, что в этих бараках мы должны произвести уборку и подготовить их для временного размещения политзаключенных из расположенного вблизи концлагеря.

Сначала мы должны были очистить один барак для самих себя.

Французы, которые работали здесь в столовой, и немец, владеец столовой, старались нас ободрить, вселить в нас мужество.

После того как мы более или менее очистили один барак, мы в него и заселились. На троих у нас было по два соломенных мешка. Теперь мы сидим и ждем следующих распоряжений. И еще – чего-нибудь тепленького бы поесть. Уже несколько дней мы ничего не ели, кроме хлеба, что захватили с собой, и шоколада, который нам подарили англичане.

01.05.45. Поздно вечером.

Только что я услышала ужасное. Я должна это записать еще сегодня. У нас есть одна свеча. Это сойдет.

А сейчас – все сначала!

В семь часов мы получаем крупяной суп. Розы и я ходили в немецкий санитарный пункт, потому что у нее на ноге образовался фурункул. Она хотела, чтобы ей сделали перевязку.

В санитарном бараке находились три старых немецких санитаря. Еще с тех времен, когда в лагере содержались военнопленные.

Мы остаемся там ненадолго и расспрашиваем их.

Landkarte

Карта

Они такое нам рассказали, что у нас по спине потек холодный пот. Едва ли я смогу такое передать, это так непостижимо!

Но я все же попробую.

Когда команда охранников лагеря военнопленных исчезла, пришли солдаты СС с заключенными из одного концлагеря. Откуда – этого санитары не знают. Заключенные были в неопишимо плохом состоянии, полумертвые, изголодавшиеся.

Их выбрасывали из вагонов или самосвалов – это я не совсем поняла – с помощью штыков. При этом штыками их толкали и кололи. СС обращались с ними ужасно.

Большая часть из них осталась лежать там, где их выбросили.

Они едва могли идти, шатались, падали.

Потом СС неожиданно исчезли, так как англичане были на подступе. СС так и оставили бедных людей валяться в грязи под дождем.

Там англичане их и нашли. Они должны были как можно скорее организовать всевозможную помощь и медицинский персонал. Они пришли к мысли – привлечь к делу старших школьников. Так мы сюда и попали.

И завтра мы будем мыть заключенных!

Потом они должны быть заселены в очищенные нами бараки.

Дальнейшего санитары сами не знают.

О том, что нам предстоит нечто ужасное, мы знали.

Во мне ужасная неразбериха. Может ли такое быть на самом деле? Если все так, как рассказали нам санитары, тогда, безусловно, и на фотографиях из Берген-Бельзена тоже правда. И как много ужасного, быть может, еще сделано, о чем мы малейшего понятия не имеем?! За это воевали наши солдаты? Ради этого страдал немецкий народ? Эти свиньи нам лгали, и сейчас мы должны все это

расхлебывать! У меня ужасный страх перед завтрашним днем. Что будет завтра? Сегодня никто здесь не уснет. Все подавлены, молчаливы и с недоверием слушают наш рассказ.

02.05.45

У меня как раз есть немного времени. Я хочу скорее дописать, что сегодня было. В 5 часов утра нас разбудили французы. Под утро я все же немного поспала. Всю ночь я думала обо всем этом ужасе. Дома нам никто не поверит, если мы это расскажем.

Я все время вспоминала, как мы любили нашего фюрера, как почитали. Все, о чем он нам говорил, была ложь!

Что это такое было – национал-социализм?

Мы-то всегда думали, что это нечто прекрасное и благородное.

Почему все так жестоко? Зачем же они убивают невинных людей, которые так беспомощны? Нельзя же так обращаться со своими противниками! Это непостижимо!

В эту ночь я окончательно порвала со всем тем, что еще недавно считала хорошим. Люди – отвратительные свиньи, все, все, в том числе и я. И после такого можно верить в Бога? Как мог Он допустить все это?

Хорошо, что нам предстоял такой тяжелый день! Здесь мы, по крайней мере, могли помочь и привнести хоть немножко хорошего там, где СС натворили ужасное.

В 8 часов должны поступить первые больные. Самые старшие работали уже ночью, чтобы вычистить следующий барак. До 8 часов утра мы должны еще произвести уборку в жилище французских охранников, за это мы получим горячий кофе. Для этой работы выделили Розы, Инге и меня.

Мы узнали, что должны будем оставаться в лагере до тех пор, пока состояние больных позволит их транспортировать или пока они не умрут.

Мы все время должны заново вычищать бараки. Мертвых бесконечно много, невыносимая вонь.

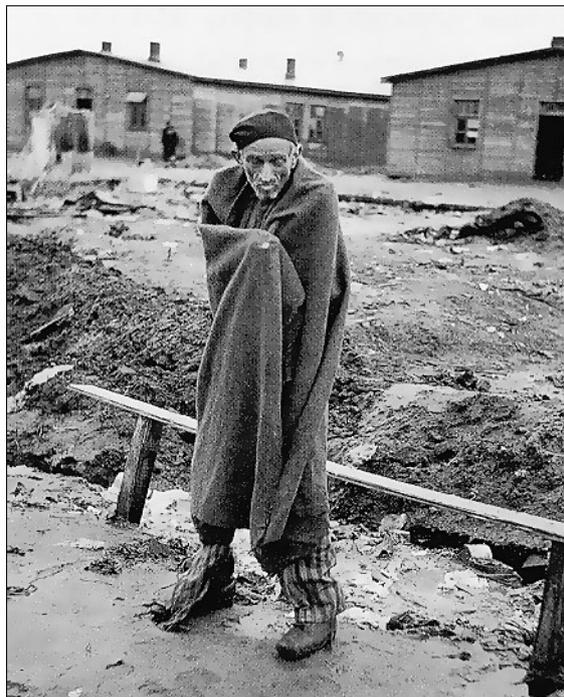
Но пока я еще не видела ни одного пленного и замечаю, что этому рада. Я испытываю страх перед этим – их увидеть.

Как можем мы снять с себя вину?

03.05.45

Сегодня работали не разгибая спин. Сильно устала. Много писать не хочу. Едим только крупяной суп, хлеба нет, нет ничего!

Сегодня мы принимали первых больных. Их привозили английские грузовики и машины Красного Креста. Видны были только бритые головы. Все остальное совершенно плоско, до

Häftling – ein ungarischer Jude

Венгерский еврей – заключенный концлагеря

того тощие! Это – скелеты! 60 – 80 пфундов (нем. пфунд = 0,5 кг – прим. переводчика), сказал санитар.

Пока это только мужчины: поляки, русские, но также голландцы, бельгийцы, испанцы, греки, евреи, цыгане, румыны, венгры. Здесь много врачей и студентов. У них тиф, дизентерия, туберкулез, сгнившие конечности, открытые и основательно гноящиеся раны, из которых зачастую торчат застарелые марлевые бинты. Они лежат там совсем безразличные.

Сначала они должны лежать в так называемом дезинфекционном отделении.

Некоторые из нас были распределены туда.

04.05.45

Сегодня снова вычищены два барака. Такая грязь! Мы совершенно не можем помыться, выглядим, как свиньи.

Когда мы попросили одного английского офицера разрешить нам где-нибудь помыться, он окрысился на нас – мы, по крайней мере, не должны себя так ставить. Пленные годами не могли мыться. Я думаю, у нас уже завелись вши.

Дома ли еще наши родители? Они будут о нас беспокоиться. До настоящего времени мы не смогли послать ни одного письма. Все запрещено!

Наш барак мы должны тоже освободить, должны переселиться в высокие, старые,

холодные залы. Там мы снова будем лежать на полу.

Сегодня многих из нас отобрали для того, чтобы мыть больных. Розы в том числе.

Я попала в тифозный стационар. Это множество барачков, которые находятся в стороне, отгороженные высоким проволочным забором. При входе стоит большая доска – черный щит с белым черепом.

Только что я впервые увидела станцию, где занимаются лечением завшивленности, моют заключенных, перед тем как заселить в бараки. Это ужасно. На девушках – резиновые фартуки и деревянные башмаки. Мужчины голыми лежат на столах. Перед тем как их мыть, необходимо удалить бинты. Чаще всего их просто срывают. Больные так ужасно кричат при этом.

Английские солдаты, стоящие в охране, иногда должны крепко держать или связывать пациентов.

Мне было плохо. Для меня было непереносимым – видеть так много мучений. При всем несчастье я еще рада, что меня определили в тифозные бараки.

Когда-нибудь же придут обученные медицинские сестры.

Я надеюсь.

04.05.45. Вечером.

Я обрадовалась слишком рано. В тифозных бараках – ужасно. Я не могу подобрать подходящих слов, чтобы описать все это убожество. Едва ли это люди. Скелеты лежат там в их дерьмовом лагере, измазанные сверху донизу рвотой, и тарачатся на нас огромными глазами.

Вонь!! Везде рвота и лужи мочи. Перед бараками стоят уборные. Там сидят больные, которые с большим трудом еще могут туда дотащиться. Многие, однако, присаживаются перед уборными на землю, так как они слишком слабы, чтобы держаться за столбики.

Как стыжусь я в этот момент, что я немка! Моя мать не верила, что немцы такое сделали!

Завтра мы должны приступить к нашим подлинным санитарным обязанностям.

Только что пришли англичане с распылительным аппаратом. Нас обсыпали дустом – против вшей и прочих вредных насекомых. С головы до ног. И теперь наши волосы абсолютно белые.

05.05.45

Когда же, наконец, домой? Так много различных слухов. Мы услышали, что Гитлер мертв. И все другие тоже. Гиммлер – пойман. Закончена ли война повсеместно?

Инге и я исполняем обязанности в наших бараках совсем одни. Гизелла Р. будет дежурить ночью. Она все-таки старше нас.

Мы должны обслужить 103 пациента.

В 7 часов утра мы забираем из кухни завтрак. Она находится примерно в 15 минутах ходьбы, мы должны шлепать по глубокой грязи и при этом тащить тяжелую канистру с крупяным супом. И все время идет дождь. В 12 часов мы приносим обед. Это жидкое картофельное пюре. Его мы должны из котла до конца выскрести, затем все вымыть, почистить, сменить пациентам постели, вылить переполненные горшки, подсунуть лежачим больным "утки".

Нам выдали немного постельного белья. Теперь мы, по крайней мере, могли заново застелить некоторые абсолютно грязные постели.

В середине каждого помещения стоит старая печь-чугунка. Поскольку люди очень мерзнут, кто-то из нас должен все время поддерживать в печке огонь. По утрам я прочищаю печь, выношу золу и приношу дрова. Их принесли нам люди из близлежащей деревни.

Когда больные хотят в туалет, они часто кричат: "Сестрааа! Я хочу с...!" Тогда я должна быстро подскочить с горшком или "уткой", иначе они просто выставляют зад с постели и делают на пол, или, что тоже случается, нижним на голову. Тогда те кричат. Все это мы должны потом убирать.

Но мы так бесконечно виноваты.

Сегодня умерли двое. Мы должны были их выносить.

Некоторые никогда не открывают глаз. Они только лежат и стонут. Потом их больше не слышно. Тогда другие говорят, что они умерли. Когда мы вытаскиваем мертвых, другие тут же разбирают их имущество. Они очерствели.

Поначалу я не знала, как носят мертвых. Английские солдаты показали нам это. Один берет под руки, другой за ноги. Потом мы кладем трупы перед дверью.

Раньше я никогда не видела мертвых. Сегодня я должна выносить двоих. Когда первый умер, я не сдержалась и залилась слезами. Это был грек, перед концом он хрипел и барабанил кулаком по стене. Несколько пациентов, которые могли стоять, увидев меня плачущей, усмехнулись. Они уже так много видели, что для них еще одна чья-то смерть не была потрясением.

И англичане, когда увидели, что мы не знаем, что нам теперь делать, сделали вид, что у них самих полно дел. Такое ощущение, будто они хотят нас наказать, потому что мы немки. Их можно понять.

Люди из деревни заберут трупы. Они соберут их на каком-то старом сеновале и потом похоронят. Где точно, я не знаю.

06.05.45

Они умирали прямо у нас на руках. Помочь им мы не могли. Когда по утрам мы приходим, прежде всего, должны убрать грязь. Почти перед каждой кроватью лежит кучка, лужицы мочи. Но мы не должны показать им, что мы чувствуем, чтобы они ничего не заметили, они ведь думают, что мы профессиональные медсестры.

Когда мы уже управились, везде протерли лизолом – все начинается заново.

Больных поступает все больше. В нашем комплексе шесть барачков. Все переполнены. Сегодня должны прибыть еще 600 новых пациентов. Но вчера и сегодня больше 100 человек умерли. В целом – так сказал мне один английский солдат – в лагере лежат примерно 3000 человек.

Работа тяжелая и напряженная. Мои ноги и руки от беготни и ношения тяжелых канистр сильно распухли.

Пациенты больше не хотят каши. Когда мы появляемся в дверях с бидоном, они кидают в нас кружки. Они хотят хлеба. Я могу это понять. Но его нет. У англичан с обеспечением лагеря большие проблемы.

Но как ни плохо наше физическое состояние, состояние души еще хуже. От этих впечатлений нам, безусловно, не удастся избавиться никогда. То, что мы здесь переживаем, не поддается словесному описанию.

Сегодня пациенты будут вымыты. В первые два дня у нас до этого не дошли руки. Сейчас они лежат нагие в постелях, некоторые стали уже немного бодрее, некоторые даже скачут по комнате. Я думаю, что до них только сейчас по-настоящему дошло, что их освободили.

Вечер. У меня ужасная боль в горле. Английский врач меня обследовал. Он думает, что у меня ангина. С этим они ничего не могут сделать. Медикаментов почти нет. Мы, во всяком случае, не получаем ничего. Некоторые из нас имеют уже такие смешные противовошнные колпаки на голове. Многие лежат на соломенных мешках с температурой и поносом. Мы должны взять на себя их работу.

Сегодня после обеда я была близка к отчаянию. Инге тоже свалилась, и всю работу в нашем бараке предстоит делать мне совсем одной. Поскольку все движется теперь медленнее, некоторые пациенты становятся агрессивными, так что я начинаю по-настоящему их бояться. Слава Богу, здесь есть комната, в которой лежат приятные и образованные люди. Они из Голландии и Бельгии. Некоторые из них врачи, есть один адвокат, он всегда утешает нас и пытается ободрить. Надо же себе такое

представить: тот, кому наши люди сделали столько плохого, пытается вселить в нас мужество! Он считает: то, что мы здесь делаем, – абсолютно замечательно. Но большая несправедливость в том, что полудети должны наводить порядок там, где натворили дел взрослые.

Этот человек высказал замечание по поводу захвата немцами Голландии. И за это он угодил в концлагерь.

Только что мы получили вместо крупяного супа банку с топленным животным жиром и немного хлеба. На шестерых девушек достались одна банка жира и одна буханка хлеба. Это было замечательно вкусно. Кофе был тоже. Наконец-то мы по-настоящему сыты и согреваемся кофе. И теперь у нас достаточно сил и мужества для следующего дня.

07.05.45

Мне плохо. Я не могу разговаривать. Сегодня после полудня я вернулась в наше помещение и обеспечила себе замену, чтобы немного прийти в себя. Но лежать здесь и раздумывать так ужасно, что завтра я в любом случае выйду на работу. Там ощущаешь хотя бы, что для чего-то пригоден.

Это убожество здесь так ужасно! Иногда мне кажется, что этого вида я не смогу больше вынести. Так много здесь умирают. Между бараками расхаживают, или правильнее сказать – шатаются завернутые в одеяла скелеты. На самом деле это дети, цыганские дети. Я не могу этого понять! Они даже детей сажали в концлагерь!

Многие из нас серьезно больны. Англичане выглядят обеспокоенными. До этого их совершенно не занимал вопрос, как чувствуют себя немецкие школьницы. Мы завшивели и стали грязными. У нас нет больше одежды на смену. Наши пальто и кофточки насквозь просырели, потому что постоянно льет дождь, наши башмаки насквозь прохудились и абсолютно грязные.

Сегодня утром, перед работой, англичане собрали нас вместе. Они вывалили перед нами из автомобиля различную одежду, которую привезли из какого-то магазина. Мне досталось широкое мужское шерстяное пальто 54-го размера, Розы – корсет, другим – нижние юбки или шерстяные рубашки. Что мы должны были с этим делать? Мы нуждались в теплой верхней одежде и в чем-то против сырости.

08.05.45

Врач послал меня сегодня после полудня на кухню. Я должна там помочь. Привезли продукты для больных. Мы должны их

разгрузить, и затем я должна буду чистить картофель на завтра.

Я едва могу говорить, в горле моем горит, словно там огонь, но здесь никто не занимается раздумьями о себе, потому что вокруг много других людей, которым не лучше. Сегодня в первый раз проглянуло солнце. Это хорошо и для больных. Может, вскоре станут меньше умирать.

Чистить картошку помогают женщины из деревни. Они рассказывают о том, что творится снаружи. Война, вроде, закончилась. Иностранцы – я имею в виду иностранных работников – теперь будут грабить деревни.

Живы ли еще мои родители? Я так беспокоюсь. Мужчины и женщины из деревни должны похоронить мертвых, которых мы складывали перед дверью. Это будет массовое захоронение. Около меня сидела одна старая женщина, которая все время плакала. Когда другая женщина ругала СС и сказала, что они все будут теперь расстреляны, плачущая женщина начала ужасно кричать и неожиданно перерезала себе картофельным ножом вены. Мы онемели. Кто-то позвал на помощь. Сразу же прибежали французы из кухни, перевязали ей руку и увели. Позднее нам рассказали, что у этой женщины был один единственный сын, который служил в СС. И когда она услышала, что всех, кто был в СС, будут расстреливать, она не захотела больше жить. Муж ее тоже погиб. И что за судьбы бывают!

09.05.45

Сегодня в кухне французы нам сказали, что нас очень скоро заменят, потому что среди нас слишком много больных. Как только прибудет замена, нас сразу же увезут. Мы не могли в это поверить.

Вчера прибыла группа польских и пара английских медицинских сестер. Но нам передали, что больные все время спрашивали только "немецких медсестер" – это были мы! Это показало, что мы со своим делом справились вполне хорошо, и это вызывает некое ощущение счастья.

10.05.45

Мы уезжаем уже сегодня. Совершенно неожиданно! С трудом в это верится.

После обеда прибыла наша замена – 100 девушек из Бремена. У них не было с собой никаких вещей. Они думали, что их привезли осмотреть лагерь. Ну, они здесь насмотрятся!

Через полчаса мы должны быть готовы. Я упаковываю мои перепачканные вещи в рюкзак и мараю последний почтовый лист остатками карандаша. Надеюсь, позднее я смогу это прочесть!

11.05.45

Я снова дома, после двух часов езды. Несмотря на комендантский час в Долменхорсте, от торговой площади мы пошли прямо домой.

Перед тем как зайти в дом, я сожгла в прачечной мои вещи, помылась и вымыла волосы. Я не хочу никого заразить или перенести вшей.

Как это прекрасно – быть дома. И все же теперь все по-другому, не так, как раньше. Я пережила слишком много ужасного. Потребуется время, чтобы это пересилить.

Я еще ничего не рассказывала, хотя они все время спрашивают. Я просто еще не могу... Может, я просто боюсь, что они этому не поверят?

Послесловие.

Вскоре после этого почти 25 моих школьных друзей заболели тифом. Среди них – и моя подруга Роза. Нам сделали даже инъекции "вдогонку". Но для многих было уже слишком поздно.

Через три дня после моего возвращения домой у всех домочадцев завелись вши.

Когда в один из вечеров я рассказала моим родителям о пережитых мной ужасах, они потеряли дар речи.

Мир рухнул у них под ногами. Хотя тогда мы еще не знали, что увиденное мной – ничто в сравнении с тем, что случилось в других лагерях, и в особенности в лагерях уничтожения...

Перевод Л. Низкер

Концлагерь Зандбостель

Эльфи Вальтер, февраль 1945 г.

